

Три пальца для смелого слова

Универсальная сказка

8 минут чтения

TuckBook

— Я не буду, — тихо сказал Лёва и прижал рисунок к груди. На листе стоял рыжий домик с круглым окном, зелёным деревом и жёлтой дорожкой, а внизу Лёва нарисовал маленького синего кота. В группе уже двигали стулья, и воспитательница Марта Сергеевна звала ребят по очереди показать свои рисунки.

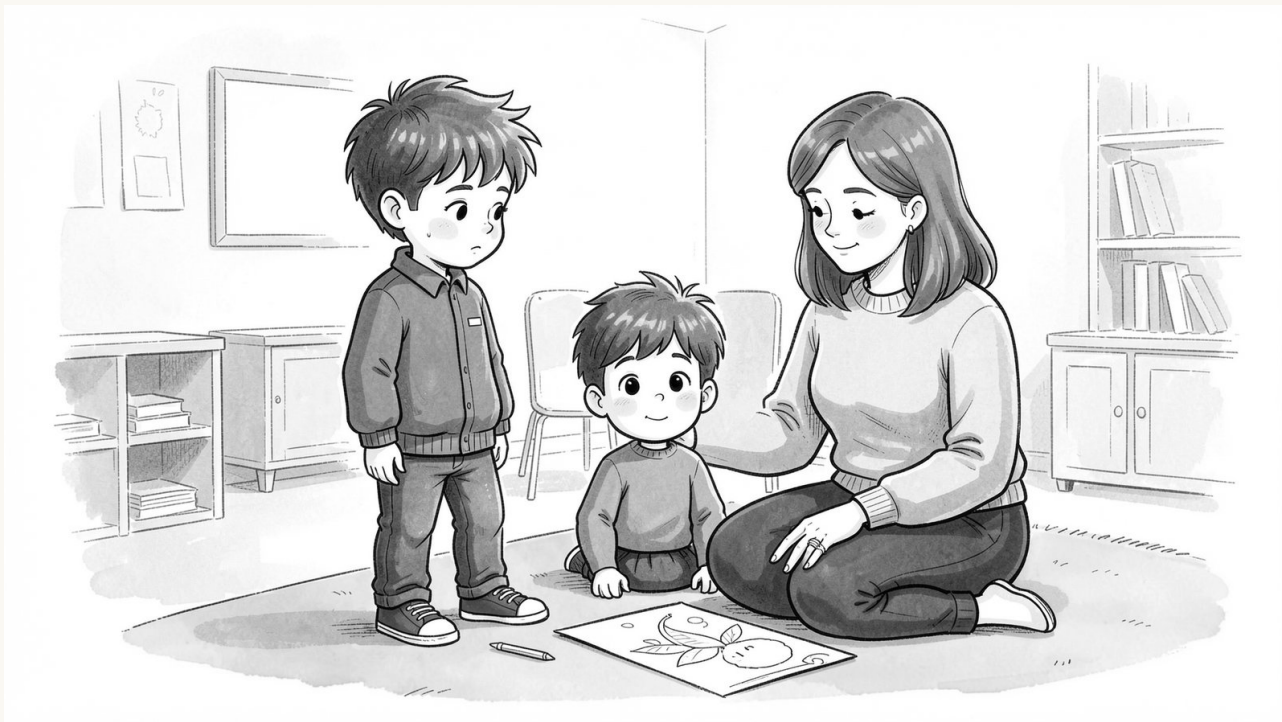
Лёва сидел рядом с мамой у стены и чувствовал, как щёки становятся горячими. Ему очень хотелось рассказать про кота: тот умел находить дорогу домой даже в густом тумане. Но стоило представить, что все посмотрят на него, как слова сжимались внутри маленьким тугим комочком.

— Можно просто посидеть со мной, — сказала мама, не торопя его. Она положила ладонь рядом с его ладонью, и Лёва заметил на её пальце тонкое серебряное колечко. Мама не спрашивала: «Ну что же ты молчишь?» — и от этого в груди становилось чуть просторнее.

Первой к ковру вышла Ника и показала нарисованный мост. Потом Тимур рассказал про зелёного кита, а Марта Сергеевна улыбнулась и попросила всех похлопать. Каждый раз, когда дети поворачивались к следующему рисунку, Лёва сильнее прижимал свой лист и думал, что лучше бы его очередь потерялась.

Марта Сергеевна села на ковёр, расправила на коленях список и ненадолго задержала взгляд на строчке с его именем. — Теперь Лёва, — сказала она мягко, не громче, чем говорила с каждым ребёнком до него. В комнате стало совсем тихо: даже стулья перестали скрипеть, а ребята, казалось, ждали, что он выйдет к коврику и покажет свой лист. Лёве почудилось, что он слышит, как стучит его сердце, и этот стук стал таким заметным, будто раздавался не внутри, а где-то рядом с жёлтой дорожкой на рисунке; сам рисунок вдруг сделался тяжёлым, словно большой картонный чемодан, который надо нести обеими руками.

Лёва поднялся, но ноги не захотели сразу идти. Он посмотрел на лица ребят, на жёлтые рукава Ники, на деревянную полку, на мамино серебряное колечко — и всё перемешалось. В горле стоял комочек, а глаза сами искали место, где можно спрятаться, хотя рядом были мама и Марта Сергеевна.

Тогда Лёва вспомнил, как дома учился завязывать узел на шнурке. Дедушки рядом не было, и узел всё время распускался, пока Лёва не придумал соединять большой палец с указательным, а потом медленно выдыхать. Он попробовал сделать такой «маленький мостик» прямо под рисунком, чтобы никто не заметил.

Большой палец коснулся указательного, пальцы сомкнулись, и Лёва медленно выпустил воздух, стараясь не торопиться до самого конца выдоха. Он почувствовал подушечки пальцев — тёплые, знакомые, — и вспомнил, как дома шнурок сначала ускользал, а потом всё-таки слушался, если не сердиться на него и делать всё по одному движению. Комочек в горле не исчез сразу, но стал поменьше, будто отодвинулся на один шаг и позволил Лёве набрать ещё немного воздуха. Лёва посмотрел не на всех сразу, а на круглый жёлтый край ковра перед собой, потом на уголок своего листа и решил, что можно сказать всего одно слово, а дальше будет видно.

— Это домик, — сказал Лёва, и в первые мгновения ему показалось, что голос получился совсем крошечным. Но голос прозвучал и не рассыпался, а слова остались в комнате, где их могли услышать мама, Марта Сергеевна и ребята у своих стульев. Лёва крепче удержал рисунок, заметил рыжую крышу и круглое окно, которые сам нарисовал утром, и понял, что про них он уже сумел сказать. Марта Сергеевна кивнула, не спеша добавлять ничего вместо него, а мама улыбнулась так, словно услышала не только слово, но и весь первый шаг, который стоял за ним.

Лёва уже хотел вернуться к стулу, потому что после сказанного колени вдруг стали мягкими и ему показалось, что на сегодня слов вполне достаточно. Но он увидел синего кота внизу рисунка — маленького, с хвостом, который так старательно закрасил, — и вспомнил, зачем нарисовал его рядом с домиком и жёлтой дорожкой. Лёва снова сделал пальцами маленький мостик и выдохнул, как при завязывании шнурка, давая себе время дожидаться следующего слова. — Кот знает дорогу домой, — добавил он, и Ника наклонилась ближе, чтобы рассмотреть его хвост, а Лёва успел заметить, что смотреть на рисунок вместе с кем-то не так страшно, как он думал.

— А почему у него хвост синий? — спросил Тимур. Вопрос был добрый, но Лёва всё равно снова почувствовал жар в щеках. Он не стал искать длинный ответ, а коснулся большим пальцем указательного и сказал: — Потому что вечером он любит смотреть на небо.

После этого Лёва отошёл от ковра и сел рядом с мамой. Сердце ещё стучало быстро, но теперь в нём было не только смущение: там появилось тёплое удивление. Оказывается, слово не обязано быть громким, чтобы его услышали; иногда ему достаточно маленькой дорожки наружу.

Марта Сергеевна прикрепил рисунок к стенду рядом с мостом и зелёным китом. Лёва смотрел на рыжий домик и видел, как синему коту легко возвращаться по жёлтой дорожке. Мама тихо спросила, хочет ли он потом рассказать про рисунок ещё раз дома, и Лёва кивнул.

Когда выставка закончилась, Ника подошла к Лёве и попросила показать, как кот находит дорогу. Она не торопила его и смотрела на рисунок так внимательно, будто жёлтая дорожка могла вот-вот привести синего кота прямо к круглому окну рыжего домика. Лёва улыбнулся, снова соединил большой палец с указательным и сделал медленный выдох, хотя теперь слова почти не прятались; ему просто нравилось чувствовать этот маленький мостик под пальцами. Он начал рассказывать Нике про туман, про то, как кот замечает дорожку и идёт по ней домой, а за окном темно, и на его рисунке жёлтая дорожка спокойно вела домой.

« Спокойной ночи. Завтра этот добрый
мир снова будет ждать тебя. »

Спокойной ночи.

Создано с любовью в TuckBook
tuckbook.app